

УДК 397 + 398
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-156-166

«Лисьи сюжеты» в фольклоре хакасов

В. А. Бурнаков

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Впервые представлена характеристика образа лисицы в устном народном творчестве хакасов. Исследование базируется на фольклорных, этнографических и лингвистических источниках. Изучены различные жанры повествовательной традиции, в которых представлен образ лисицы: мифы, эпосы, сказки и поговорки. Сделан вывод о том, что в народном творчестве хакасов образ этого животного является широко известным и весьма распространенным. Восприятие лисы в традиционном сознании формировалось в ходе длительного изучения биологической природы, внешних данных и повадок. Вместе с тем на оформление фольклорного образа лисицы у хакасов определенное влияние оказала и русская культура. Выделяются пять основных сюжетных групп, в которых фигурирует этот зверь. Доказывается, что фольклорные тексты, отнесенные к группам I–IV, создавались на основе собственных мифологических представлений и этнической специфики. Произведения, входящие в группу V, испытали большое влияние русской фольклорной традиции. При этом многие заимствованные сюжеты были творчески переосмыслены и адаптированы хакасами.

Ключевые слова

хакасы, культура, традиция, фольклор, сюжеты, лисица, образ, символ, этнокультурное взаимодействие

Для цитирования

Бурнаков В. А. «Лисьи сюжеты» в фольклоре хакасов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 5: Археология и этнография. С. 156–166. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-156-166

“Fox Stories” in the Folklore of the Khakass

V. A. Burnakov

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. The article explores the characteristics of the fox in the oral folk art of the Khakass. The study is based on folklore, ethnographic and linguistic sources. The paper analyzes folklore materials published in Russian and Khakass languages.

Results. The author explores various genres of narrative Khakass tradition, which feature the fox: myths, epics, tales and sayings. During the process of analysis, it was concluded that the representation of this animal can be commonly found in folk art of the Khakass. Moreover, it has a complex and ambiguous characterization. The perception of this beast in the traditional consciousness was, to a large extent, determined by a long study of its biological nature, external data and habits. Russian culture also had a certain influence on the formation of the folklore image of the fox among the Khakass. Five main plot groups in which the designated beast appears are identified. The works assigned to Groups 1–4 were formed based on their own mythological views and within the framework of their ethnic tradition. They arose as a result of direct observations of the life and habits of the fox and reflected the life experience of the people, their observations, ideas of the surrounding nature and the desire for knowledge of the world. In many ways, they have an etiological character and are associated with a belief in magic and sorcery. What is also important is that in these works, the direct life of the animals themselves is depicted, as it was presented in the traditional conscious-

© В. А. Бурнаков, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 5: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography

ness of the people. The narratives assigned to Group 5 were mostly developed in the context of intercultural contacts between the Khakass and Russians.

Conclusion. As a result of this process, there was a borrowing and processing of images and plots within the framework of their own ethnic tradition. There is a tendency under the guise of animals to depict people and their psychological properties, as well as display the social and everyday life of society. The interpretation of the form of the trickster-fox is subject to a certain moral and ethical norm. At the heart of all the stories studied is the motive for obtaining food, which is carried out in various ways and as a result forms the corresponding stereotype of perception of this beast.

Keywords

Khakass, culture, tradition, folklore, plots, fox, image, symbol, ethnocultural interaction

For citation

Burnakov V. A. "Fox Stories" in the Folklore of the Khakass. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 156–166. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-156-166

Введение

В культуре и религиозно-мифологическом сознании каждого народа важное место отводится животным и их образам. Их роль многообразна. Наиболее распространенными являются функции демиурга, тотема, культурного героя, трикстера, чудесного помощника, охранителя, вредоносного духа и пр. В сонме зооморфных образов одно из ключевых мест занимает лисица. Этот представитель мира фауны получил широкое распространение в мифоритуальной практике и фольклоре многих народов. Не стали исключением и хакасы.

Необходимо подчеркнуть, что в исследованиях по фольклору и этнографии хакасов лисица (хак. «түлгү») и ее мифологический образ прежде никогда не становились предметом отдельного научного исследования. Это обстоятельство определяет новизну работы. Цель данной публикации – выявление и характеристика сюжетов, связанных с образом лисицы в устном народном творчестве хакасов.

В качестве основных источников выступают фольклорные материалы, опубликованные на русском и хакасском языках [Катанов, 1907; Алыптыг нымыхтар, 1951; Хакас чонының нымыхтары, 1956; Тас чүрек, 1969; Хакасские народные сказки, 2014]. Еще одним важным источником являются лингвистические данные, представленные в словарях [Боргоякова, 1996; Бутанаев, 1999; Хакасско-русский словарь, 2006].

Хронологические рамки работы охватывают конец XIX – середину XX в., что определяется состоянием и возможностями базы источников по теме исследования. Ведущим в работе является принцип историзма. При анализе конкретного фольклорно-этнографического материала применяется метод компаративистики – сравнительно-сопоставительное исследование.

Результаты исследований и обсуждение

Воззрения о животных историческими корнями уходят в глубокую архаику. В них получило отражение человеческий опыт длительного наблюдения и взаимодействия с ними. В повествованиях о животных транслируются не только специфические знания о конкретных представителях мира фауны, но и в целом духовный опыт взаимодействия человека с природой. Обратим внимание на то, что каждый народ имеет собственные представления об окружающем мире. Нередко в процессе этнокультурного взаимодействия они в виде некоторых практических навыков, мифологических воззрений и фольклорных сюжетов могли передаваться от одних этнических общностей к другим. В мировоззрении народа, перенимавшего что-то новое от другого этноса, к имеющимся представлениям добавлялись новые, которые постепенно адаптировались и со временем воспринимались как исконные.

Исторические и социокультурные изменения, происходящие в жизни народа, всегда оставляют след в его культуре и мировоззрении. Некоторые мифические образы и сюжеты получают переосмысление, утрачивается их изначальный смысл. Они нередко трансформируются в сатирические и нравоучительные повествования. Собственно, сказка и является

естественным продуктом данного процесса. Утрата сакральной и этиологической направленности некоторых фольклорных текстов приводит к выдвиганию на передний план новых задач: развлекательных и дидактических. Поэтому образы прежде почитаемых животных в сказках начинают трактоваться иронически. Образ лисицы в фольклоре хакасов является одним из ярких примеров подобного явления.

В культуре этого этноса образ лисицы – один из самых архаических и вместе с тем наиболее распространенных. Он был запечатлен в народном календаре (хак. «түлгү айы» – февраль и «түлгү чыл» – год лисицы), а также в культовой издеи – «түлгү төс» (лисий фетиш), в отношении которого была сформирована специальная обрядность. Образ этого животного широко применялся и в бытовой магии. Так, например, в ситуации, когда человеку приснился плохой сон, чтобы нейтрализовать его негативный прогноз, рекомендовалось прочитать следующее заклинание: «түзіңе түлгү сідезін» – ‘пусть на твой сон помочится лиса’ [Бутанев, 1999. С. 159]. Лисица часто встречается в мифах, эпосах, сказках, пословицах, поговорках и загадках. При этом все же наибольшую известность образ этого зверя получил благодаря сказкам. Имеющийся обширный фольклорный материал позволяет выделить несколько сюжетов и сюжетных групп, связанных с образом лисицы.

Первую сюжетную группу о лисице (I) формируют этиологические повествования. Как известно, их главная функция заключается в том, чтобы ответить на вопросы, связанные с происхождением того или иного природного объекта или явления. Особое место в них занимают астральные мифы, а основное содержание сводится к сюжету, в котором описывается взаимодействие нескольких мифологических персонажей, неожиданно восходящее на космический уровень. В результате действующие лица меняют свой семиотический статус и определяются уже как небесные тела. В традиционном сознании на основе подобного повествования формируется закономерная картина движения небесных светил, которые описываются посредством символических образов людей и животных в их взаимодействии.

Одним из таких астральных мифов хакасов, имеющих отношение к образу лисицы, является повествование о созвездии Большая Медведица (хак. «Читиген» или «Читі чылтыс»). В нем присутствует мотив небесной охоты. Согласно сюжету, охотник преследует семь лисиц, которые неожиданно перемещаются на небо. В результате все они превращаются в указанное созвездие [Попов, 1884. С. 646].

Этиологический характер носят мифы и сказки, в которых раскрываются конкретные признаки животных, находят объяснения их внешние и поведенческие свойства. В мифе «Совет птиц и зверей» констатируются хищнические наклонности лисицы. Она беспощадно поедает птиц и мелких животных. Такое поведение объясняется спецификой ее биологической природы, поэтому жителям лесного царства приходится лишь смириться с этой реальностью [Мифы и легенды хакасов, 2006. С. 43–47; Несказочная проза хакасов, 2016. С. 119–130].

На основе этиологического мифа, объясняющего специфический образ жизни некоторых животных, построена и сказка «Суслик и мышка». В ней также делается акцент на описании охотничьего инстинкта лисицы, упорно преследующей названных зверьков. В связи с этим прямая угроза их жизням со стороны хищника явилась основной причиной того, что они стали создавать более надежные укрытия – подземные норы, и постоянно в них жить [Гас чүрек, 1969. С. 35; Хакасские народные сказки, 2014. С. 61].

Вторую сюжетную группу о лисице (II) составляют эпические произведения – «алыптыг ныхмахтар», в которых присутствует мотив оборотничества. В религиозно-мифологическом сознании оборотничество предполагает изменение облика героя, которое происходит при определенных обстоятельствах и для достижения конкретных целей. Как правило, это временная трансформация внешности с последующим возвращением к изначальному состоянию. Истоки воззрений об оборотничестве, как полагают некоторые исследователи, восходят к практике охотничьей маскировки, а также тотемическим и анимистическим воззрениям. При этом в «оборотничестве отразились представления о двойной зооантропоморфной при-

роде мифологических персонажей – тотемных первопредков и культурных героев» [Неклюдов, 1988. С. 235].

В героических сказаниях хакасов во многих ситуациях облик лисицы принимают, как правило, женские персонажи. Причем они могут быть как положительными, так и отрицательными. Исходя из этого основным назначением переходного состояния для них обычно является совершение подвига либо злодеяния [Кильчичаков, 1946; Хара Хусхун..., 1977; Алтын Арыг..., 1988; Ай Мічікнің..., 1993; Хан-Тонис..., 2007; Курбижекова, 2011]. Добавим, что в религиозно-мифологической традиции хакасов было принято видеть прямое включение героя в потусторонний мир с его иной пространственно-временной организацией именно в состоянии оборотничества.

Третью сюжетную группу о лисице (III) образуют сказки, в которых этот зверь наделяется глубокой мудростью, проницательным умом и хитростью. Указанные качества позволяют лисице в определенных ситуациях выступать в роли советчика или даже судьи, причем не только по отношению к другим животным, но и к человеку. Именно такая роль определена лисице в сказке об охотнике и змее. Обратим внимание на то, что она имеет несколько вариантов, опубликованных в различных изданиях [Кузнецова, 1892; Катанов, Роганович, 1897. С. 7–8; Катанов, 1907. С. 361–363; Пайнаң чылан, 1956; Арап и змея, 1975].

Основное содержание данного произведения сводится к следующему. Охотник отправляется в тайгу на промысел. По дороге он встречается змеей и спасает ее от неминуемой гибели. Однако вместо благодарности рептилия намеревается убить своего спасителя, провозглашая тезис «за добро добром не платят». Им удается прийти к согласию о том, что в случае подтверждения этой мысли другими лицами, которые встретятся им на пути, змея совершит свое злодеяние. Из всех трех животных (лошадь, собака и лисица), которых герои встретили в пути, только лисица объективно оценивает ситуацию и в итоге помогает человеку спасти жизнь. Дальнейшее развитие действий имеет различные вариации. В одном случае она, оказав помощь человеку, покидает его, в другом охотник совершает попытку ее застрелить, но она благополучно скрывается, в третьем он все же убивает хищницу и тем самым подтверждает изначально провозглашенный змеей тезис. Обращает на себя внимание типологическое сходство сюжета с русской сказкой «Старая хлеб-соль забывается» [Народные русские сказки..., 1984. С. 39–40]. Поясним, что в этом произведении в качестве главных действующих лиц выступают мужик и волк. По дороге они также встречают лошадь, собаку и лисицу. Последняя выступает на стороне человека, за что в итоге расплачивается своей жизнью.

В хакасском героическом сказании «Ай Мокко» [Радлов, 1989. С. 229–234] сообщается о двух сиротах – мальчике и девочке, которые живут в лесу. Питаются в основном тем, что удастся добыть в процессе охоты или рыбной ловли. Однажды в установленный мальчиком силоч попадает лисица. Она убеждает детей не убивать ее и взамен дает совет, куда им отправиться, чтобы обрести счастье. Они следуют лисьему совету и получают искомое.

В сказке «Лисий суд» это животное изображается уже в иной ипостаси – в качестве лица, целенаправленно преследующего лишь свои узкокорыстные цели. Прикрываясь стремлением объективно рассудить спор между горностаем и колонком по поводу справедливого распределения обнаруженного ими мяса, лисица полностью его съедает и одурачивает доверившихся ей зверьков [Тас чүрек, 1969. С. 39–40; Хакасские народные сказки, 2014. С. 69–70].

К четвертой сюжетной группе о лисице (IV) можно отнести оригинальную сказку о лисице и зайце, опубликованную Н. Ф. Катановым [1907. С. 493–494]. В этом произведении лисица вопреки общепринятому сказочному стереотипу выступает в качестве невинной жертвы в результате неблагоприятных поступков со стороны отдельных животных. Она изображается образцовой матерью четверых детенышей, прилежно о них заботящейся. В процессе развития сюжета лисица сначала получает вызов, а затем подвергается надругательству со стороны зайца. Морально не выдержав совершенного над ней злодеяния, она заканчивает жизнь самоубийством.

Пятую сюжетную группу о лисице (V) составляют сказки с ярко выраженным сатирическим и дидактическим характером. В них образы животных выступают в качестве аллегорий, под которыми подразумеваются негативные черты характера человека. Помимо того, в символической форме представлены некоторые виды социальных отношений. Семиотический статус лисицы в этих произведениях характеризует ее как воплощение негативных человеческих качеств: хитрость, ловкость, лживость, изворотливость, лицемерие, эгоизм, а также жадность и злонамеренность. Во многих текстах она выступает в качестве трикстера.

Большинство сюжетов о лисице из этой группы было заимствовано из русской культуры и адаптировано к хакасской традиции. Исследователи хакасского фольклора справедливо отмечают: «Во многих сказках о лисице можно найти сюжет русской сказки, но всегда творчески переработанный, принимающий благодаря местным бытовым деталям национальный колорит» [Унгвицкая, Майногашева, 1972. С. 216]. К произведениям данного вида относятся: «Түлгүчек» ('Лисичка'), «Аба, пүүр, түлгү, хозан» ('Медведь, волк, лисица и заяц'), «Колоногастарнаң түлгү» ('Колонки и лисица'), «Голубоктарнаң түлгүчек» ('Голуби и лисичка'), «Пүдүрчүннең түлгү» ('Перепелка и лисица'), «Түлгүнең пүүр» ('Лисица и волк'), «Апсағаснаң Түлгүчек» ('Старик и лисичка'), «Көйтүк түлгүчек» ('Хитрая лисичка'), «Түлгүчекнең турнацах» ('Лисичка и журавлик') и др. [Катанов, 1907. С. 392–395; Алыптың нымыхтар, 1951. С. 239; Хакас чоңының нымахтары, 1956. С. 129–130; Тас чүрек, 1969. С. 31–34; Майтакова, 2001. С. 31; Хакасские народные сказки, 2014. С. 61–69].

Смысл и сюжет хакасской сказки «Түлгүчек» в общих чертах соответствует русской сказке «Звери в яме» [Народные русские сказки..., 1984. С. 41–43]. Вместе с тем само произведение переработано в соответствии с хакасской этнической спецификой. Собственно, многие действующие в нем персонажи совершенно иные. При этом, как и в других текстах, неизменно главной героиней выступает лисица. Она искусно играет на национальном струнном инструменте «хомыс» и позиционирует себя, как веселую песенницу, идущую на пиршество «той». Основная мотивация всей ее деятельности сводится к поиску пищи. По мере развития сюжета она встречает волка, зайца и медведя. Они составляют ей компанию и отправляются вместе с ней на мнимый «той». Коварный замысел выявляется в ее намерении поместить путем обмана указанных зверей в глубокую яму и съесть их. Для этого она, используя хитрость и уловки, поэтапно вносит раздор между ними и таким образом добивается своей цели.

Текст сказки «О лисе и двух волках» [Катанов, 1907. С. 256–257] построен на стыке двух русских сказочных сюжетов: о лисице, обманувшей мужика, и о лисице и волке [Народные русские сказки..., 1984. С. 11–20].

Первая часть произведения включает в себя видоизмененный текст сказки о лисице и мужике. В произведении лиса, как и в русской версии, притворяется мертвой. Старик его подбирает и кладет в сани. Лисица незаметно выбрасывает из саней всю рыбу, после чего скрывается. По приезду домой перед человеком раскрывается вся картина происшедшего. В дальнейшем он по следам отправляется на поиски лисицы. Следы приводят к лесному домику, в котором он остается переночевать. По наущению лисицы туда приходят волки и съедают человека.

Вторая часть сказки повествует о том, как лисица обманывает волков. Серые хищники застают ее в процессе поедания рыбы и просят поделиться ею с ними. Она их обманывает – утверждает, что наловила рыбу хвостом, опустив его в прорубь. Волки следуют ее совету. В течение ночи их хвосты намертво примерзают ко льду. В финале их убивает человек, ведущий коней на водопой.

Сказка «Аба, пүүр, түлгү, хозан» ('Медведь, волк, лисица и заяц') имеет сюжетное соответствие с русской сказкой «Кот и лиса» [Там же. С. 51–55]. Вместе с тем текст также существенно переработан. В нем повествуется о жизни указанных зверей. Они проживают, как одна семья. Каждый занимается добычей пищи исходя из своих возможностей. Завязкой сюжета является недовольство медведя тем, что лисица приносит к общему столу мало пищи, а поедает ее наравне со всеми. Это приводит к конфликту. Лисица угрожает животным смер-

тью со стороны «страшного зверя» – кота по имени Котанай Иванович¹, с которым она, якобы, находится в близких дружеских отношениях. В дальнейшем текст в общих чертах повторяет сюжет упомянутого русского аналога.

Сказки «Колонки и лисица», «Голуби и лисичка», «Перепелка и лисица» и др. имеют общую сюжетную линию и в смысловой основе перекликаются с русской сказкой «Лиса и дятел» [Народные русские сказки..., 1984. С. 43–44].

Наряду с этим отметим, что обозначенные хакасские сказки все же выделяются большим объемом, усложненной структурой – цикличностью с произвольным порядком следования сюжетов, а также иными действующими персонажами, за исключением лисицы. Более того, хакасские тексты нередко состоят из нескольких разнородных, но вместе с тем линейно связанных друг с другом сюжетов с множеством новых деталей. Вариант одного из таких произведений был записан Н. Ф. Катановым [1907. С. 256–257].

Суть сказки сводится к следующему. Птица с желтой грудью (синица?!) выращивает своих птенцов в гнезде, расположенном на высоком тополе. К ней регулярно навещается лисица, которая каждый раз требует сбросить ей на землю по одному птенцу, которого она тут же съедает. За отказ выполнить ее требование грозит взлезть на дерево и полностью разорить гнездо. Наивная птица подчиняется воле лисицы. Однажды пролетавшие над гнездом этой птицы турпаны², узнают о ее беде. Они убеждают ее не подчиняться приказам рыжей хищницы и проверить на деле реальность ее угроз. При следующей встрече с лисицей желтогрудая птица следует совету турпанов и убеждается в фиктивности ее намерений. Раздосадованная лисица узнает от птицы, кто ей помог. Она планирует отомстить турпанам. Хитростью ей удается их поймать. Птицы же находят выход из сложившейся опасной ситуации. Они убеждают хищницу не есть их сейчас. Взамен предлагают полетать вместе с ними по небу и обещают доставить в нужное ей место. Та доверчиво соглашается. Посадив лисицу на спину и высоко взлетев, они бросают ее в море, а сами улетают. Заметим, что полет лисицы на птицах, но только с иной мотивацией, также представлен в русской сказке «Как лиса училась летать» [Русские народные сказки, 1981. С. 82].

Вторая сюжетная линия повествования связана с волками и имеет смысловые соответствия с уже упомянутой сказкой «О лисе и двух волках». Заметим, что мотивационная направленность действий у волков также совершенно иная. Лисица, сброшенная птицами, все же выбирается из моря и взбирается на скалу. Там она встречает марала и обманом лишает его жизни, питается его мясом. В процессе ее трапезы к лисице подбегает десять волков. Они отнимают мясо и начинают его поедать. В это же время лисица показывает им свой хвост, на который намерзли льдинки. Она, гипнотизируя волков, играет сосульками, позванивая ими, как погремушками. Волки очарованы этим зрелищем и выражают желание заполучить подобные игрушки. Тем самым они втягиваются в авантюру – вместе с лисицей идут к проруби и намертво замораживают свои хвосты. В результате лишаются их и почти все гибнут. Затем лисице встречается другая стая волков. Она подговаривает их сделать подкоп и пробраться в подполье дома русских хозяев, чтобы поживиться там многочисленными съестными припасами. План срabатывает. Помимо еды волки обнаруживают вино, напиваются и начинают петь. Лисица же тем временем ретируется и закрывает подкоп. Услышав вой хищников, хозяева их обнаруживают и убивают. Следует добавить, что среди хакасских сказок встречаются отдельные короткие сказки только с этим сюжетом. При этом в них фигурирует один волк и лисица [Тас чүрек, 1969. С. 34; Хакасские народные сказки, 2014. С. 61–63].

Третья сюжетная линия рассматриваемой сказки имеет отношение к взаимодействию лисицы и перепелки, причем ведущую роль здесь играет уже птица, помогающая лисице раздобыть пищу. Выступая в качестве напарника, она обманным путем забирает ее у нищего. Затем перепелка развлекает лисицу тем, что провоцирует глупого старика преследовать ее

¹ Обратим внимание на то, что в русских сказках встречаются различные варианты имени: Котофей Иванович, Котай Иванович и Котанайла Иванович [Народные русские сказки..., 1984. С. 51–55].

² В других вариантах журавли или перепелка.

с топором. В результате тот сначала убивает свою корову, а затем едва не убивает старуху. Это кроважидное представление доставляет удовольствие лисице. Перепелка, втершись в доверие к хищнице путем потакания ее прихотям, предлагает показать нечто ужасное. Та соглашается. Птица ведет лисицу в улус, где ее избивают и лишают хвоста. В финале лисица все же мстит перепелке – обманом ловит и съедает ее. Отметим, что в иных вариантах, изданных в виде отдельных сказок, представлена другая концовка. В ней перепелка все же обыгрывает лисицу, а охотники убивают хищницу [Унгвицкая, Майногашева, 1972. С. 218–219; Хакасские народные сказки, 2014. С. 65–69].

В сказке «Хитрая лисичка» [Майтакова, 2001. С. 31] лисица характеризуется как типичный трикстер. Посредством своих уловок и интриг она ворует у людей масло и обвиняет в этом неблаговидном поступке теленка. Волка же использует в качестве свидетеля. Подлая деятельность лисицы приводит к гибели теленка.

Представление о лисице как о хитроумной воровке и увертливом звере обнаруживается в сказке «Лисичка и журавлик» [Хакасские народные сказки, 2014. С. 63]. В ней повествуется о совместном проживании названных персонажей в одной пещере. Еду добывают также вдвоем в ближайшем селении. Лисица таскает ягнят, а журавль – зерно. Однажды зимой по свежим следам их все же выслеживают люди и начинают раскапывать пещеру, чтобы достать их оттуда. В этот момент лисица предлагает журавлю лечь ближе ко входу и притвориться мертвым. Люди достают журавля и кладут его в сторону, а сами продолжают копать. Птица же тем временем с клекотом отбегаёт от пещеры и увлекает людей за собой, а затем улетает. Лисица, воспользовавшись ситуацией, выскакивает из пещеры и убегает. Люди остаются ни с чем.

подавляющее большинство сказок о лисице из выделенной нами пятой сюжетной группы (V) констатируют торжество ума, хитрости и изворотливости этого зверя. Изображается ее полное интеллектуальное превосходство над простодушным или глупостью остальных животных и даже человека. В этой связи справедливы слова В. П. Аникина о том, что «при всей незамысловатости сказка с психологической правдой передает в образе этих животных и черты людей, особенности их характеров, поведения» [1977. С. 29]. Соответствующий фольклорный образ лисицы не только получил отражение в типичных представлениях хакасов об этом звере, но и был запечатлен в их языке – в обыденной речи лексема «түлгү» и обозначает само животное, т. е. лисицу, и указывает на личные качества человека и его конкретные действия и поступки – «плутовка, хитрец, лстец» [Хакасско-русский словарь, 2006. С. 691]. В хакасском языке среди распространенных фразеологизмов, имеющих отношение к образу лисицы и употребляемых в определенных ситуациях в отношении отдельных людей, встречаются следующие: «сүмеліг түлгү» – ‘хитрая лисица’, «түлгү хылых» – ‘хитрый, лстивый (букв. лисий характер)’, «чой түлгү» – ‘лжец, обманщик (букв. лживая лисица)’ [Там же. С. 529; Боргоякова, 1996. С. 89, 126]. Обратим внимание на то, что и в русском языке образ этого зверька и его повадки имеют аналогичные устойчивые ассоциации: «лукавый, хитрый человек, пролаз, проныра, корыстный лстец». Выражение «лисой пройти» означает схитрить. Поговорка «лисье племя только лстит да манит» имеет соответствующую ее образу коннотацию [Толковый словарь..., 1881. С. 258–259]. Добавим, что в этимологическом словаре М. Фасмера встречаются слова «лисить» в значении ‘лстить’ и «лисоватый» – ‘хитрый, лукавый’ [1986. С. 500].

Известно, что обыкновенная лисица привлекает внимание не только яркой шкуркой рыжеватого цвета, но и своим пышным хвостом. В традиционных представлениях хакасов он стал одним из ключевых атрибутов лисьего образа, что нашло отражение в поговорке «түлгү – хайдар, хузуруғы – андар» – ‘куда лиса, туда и хвост’ [Хакасско-русский словарь, 2006. С. 691]. Более того, в представлениях хакасов средоточием ума и хитрости у лисицы считается именно ее хвост. Данная мысль получила воплощение в выражении «хузурух толгирға», одним из ключевых смыслов которого является ‘хитрить, лукавить (букв. хвост крутить)’ [Боргоякова, 1996. С. 113]. Справедливости ради заметим, что ассоциации с хвостом могут

быть применимы не только в отношении лисиц, но и других животных. В этой связи вызывают интерес следующие выражения: «хузурух сөзіріне кірірге» – ‘подойти на близкое расстояние (букв. войти в место, где волочится хвост)’; «хузурухты кире тартынарға» – ‘становиться более осторожным, осмотрительным (букв. хвост поджать)’; «хузурухха мўнерге» – ‘набиваться в друзья (букв. на хвост верхом садиться)’; «хузурухха одырыбазарға» – ‘догнать (букв. сесть на хвост)’ [Боргоякова, 1996. С. 89, 113–114].

Хвост как неотъемлемый элемент образа лисицы обнаруживается и в русских фразеологизмах: «лиса все хвостом прикроет», «каждая лиса свой хвост береги», «всякая лиса свой хвост хвалит», «у лисицы хвост долог, а на свой не сядет», «лиса своего хвоста не замазает», «волчий зуб и лисий хвост, силою и хитростью» [Толковый словарь..., 1881. С. 258–259].

Обращает на себя внимание семантическое тождество некоторых поговорок, встречаемых у хакасов и русских, в отношении пищевых пристрастий лисицы. Так, среди хакасов распространено выражение «тўлгў тузінде дее танах кўрче» – ‘лиса и во сне видит кур’ [Хакасско-русский словарь, 2006. С. 691]. В русской речи встречаются аналогичные поговорки: «лиса и во сне кур считает», «лиса спит, а во сне кур считает (видит, щиплет)» [Толковый словарь..., 1881. С. 258].

Приведенный материал может свидетельствовать о том, что образ лисицы, воплощающий в себе качества трикстера, такие как хитрость, обман, двуличие, ловкость, трюкачество и пр., формировался у хакасов на собственной основе, но под большим влиянием русской фольклорной традиции.

Заключение

Изложенный материал позволяет сделать вывод о том, что в фольклоре хакасов образ лисицы был очень популярным и широко распространенным. Он имел полисемантические черты, что выразилось в богатстве и своеобразии тематического репертуара, связанного с ним. Повествования о лисице по своему содержанию типологически близки ко многим образам мирового фольклора. При этом общность сюжетов не всегда означает факт их заимствования. В устном народном творчестве хакасов «лисьи» сюжеты достаточно уверенно выделяются в пять отдельных групп. Произведения, отнесенные к группам I–IV, формировались на основе собственных мифологических воззрений и в рамках этнической традиции. Они возникли в результате непосредственных наблюдений за жизнью и повадками лисиц. В них нашли отражение жизненный опыт народа, его наблюдательность, представление об окружающей природе и стремление к познанию мира. Во многом они имеют этиологический характер, а также связаны с верой в магию и волшебство. Важно отметить, что в произведениях данного типа изображена непосредственная жизнь самих зверей. Повествования же, отнесенные к группе V, получили наибольшее развитие в условиях межкультурных контактов хакасского и русского населения. В результате этих процессов имели место заимствования и переработки образов и сюжетов. Возникла тенденция под видом животных изображать людей и их психологические черты, а также отображать социально-бытовой уклад общества. Интерпретация образа лисицы-трикстера, подчиняется определенной морально-этической норме, не всегда совпадающей с представлениями людей. В основе всех сюжетов данной группы лежит мотив добывания пищи, который осуществляется всевозможными способами и в итоге формирует соответствующий стереотип восприятия лисицы.

Список литературы

- Алтын Арыг. Хакасский героический эпос. М.: Наука, 1988. 592 с.
Аникин В. П. Русская народная сказка. М.: Просвещение, 1977. 208 с.
Арап и змея // Золотая чаша. Хакасские народные сказки и предания. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1975. С. 81–84.
Боргоякова Т. Г. Краткий хакасско-русский фразеологический словарь: Учеб. пособие. Абакан: Изд-во ХГУ, 1996. 144 с.

- Бутанаев В. Я.** Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: Хакасия, 1999. 240 с.
- Катанов Н. Ф.** Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. В. Радловым). СПб.: [б. и.], 1907. Т. 9. 640 с.
- Катанов Н. Ф., Роганович И. П.** К вопросу о сходстве восточно-тюркских сказок со славянскими. Казань: Типо-литография Имп. ун-та, 1897. 16 с.
- Кузнецова А. А.** Шесть сказок минусинских татар // Изв. Восточно-Сибирского отдела Императорского географического общества. 1892. Т. 23, № 4–5. С. 36–45.
- Мифы и легенды хакасов. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2006. 210 с.
- Народные русские сказки А. Н. Афанасьева М.: Наука, 1984. 512 с. (Литературные памятники. Т. 1)
- Неклюдов С. Ю.** Оборотничество // Мифы народов мира. М.: Сов. энциклопедия, 1988. Т. 2. С. 234–235.
- Несказочная проза хакасов. Новосибирск: Наука, 2016. 540 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 34)
- Попов Н. А.** Поверья и некоторые обычаи качинских татар // Изв. Императорского географического общества. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1884. Т. 20, вып. 6. С. 645–659.
- Радлов В. В.** Из Сибири. М.: Вост. лит., 1989. 750 с.
- Русские народные сказки. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1981. 208 с.
- Толковый словарь живого великорусского русского языка Владимира Даля. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1881. Т. 2: И–О. 807 с.
- Унгвицкая М. А., Майногашева В. Е.** Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан: Хакас. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва, 1972. 312 с.
- Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986. Т. 2: Е–Муж. 672 с.
- Хакасские народные сказки. Новосибирск: Омега принт, 2014. 769 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 33)
- Хакасско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
- Хан-Тонис на темно-сивом коне. Богатырское сказание М. Р. Баинова. Новосибирск: Новосибир. кн. изд-во, 2007. 384 с.
- Ай Мічїкнің і Кўн Мічїк // Ай Мичик и Кюн Мичик. Богатырские сказания. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1993. С. 4–62. (на хак. яз.)
- Алыптыг нымыхтар. Абакан: Хак. обл. изд-во, 1951. 320 с. (на хак. яз.)
- Кильчицаков М. Е.** Пили ала хара чабагалыг Пил Тарааннаар // Хакасский фольклор. Абакан: Хакоблнаиздат, 1946. С. 73–102. (на хак. яз.)
- Курбижекова А. В.** Сибен Арыг (героическое сказание). Абакан: Хак. кн. изд-во, 2011. 324 с. (на хак. яз.)
- Майтакова А.** Айдас аңчы. Кип-чоохтар паза нымахтар. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2001. 32 с. (на хак. яз.)
- Пайнаң чылан (Богач и змея) // Хакас чоның нымахтары (Хакасские народные сказки). Абакан: Хак. кн. изд-во, 1956. С. 113–115. (на хак. яз.)
- Тас чўрек (Каменное сердце. Хакасские народные сказки). Абакан: Хак. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва, 1969. 44 с. (на хак. яз.)
- Хакас чонының нымахтары. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1956. 156 с. (на хак. яз.)
- Хара Хусхун. Алыптыг нымах. Абакан: Хак. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва, 1977. 196 с. (на хак. яз.)

References

- Ai Michiknin i Kyun Michik. Ai Michik i Kyun Michik. Bogatyrskie skazaniya [Ai Michik and Kyun Michik a Heroic Legend]. Abakan, Khakass Book Publ., 1993, p. 4–62. (in Khakass)

- Altyn Aryg. Khakasskii geroicheskii epos [Altyn Aryg. A Heroic Legend]. Moscow, Nauka, 1988, 592 p. (in Khakass and in Russ.)
- Alyptyg nymykhtar [A Heroic Legend]. Abakan, Khakass Book Publ., 1951, 320 p. (in Khakass)
- Anikin V. P.** Russkaya narodnaya skazka [Russian folk tale]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1977, 208 p. (in Russ.)
- Arap i zmeya [Arap and the snake]. Zolotaya chasha. Khakasskie narodnye skazki i predaniya [Golden bowl. Khakass folk tales and legends]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Book Publ. House, 1975, p. 81–84. (in Russ.)
- Borgoiakova T. G.** Kratkii khakassko-russkii frazeologicheskii slovar' [Short Khakass-Russian phraseological dictionary]. Textbook. Abakan, Khakass State Uni. Publ., 1996, 144 p. (in Russ.)
- Butanaev V. Ya.** Khakassko-russkii istoriko-etnograficheskii slovar' [Khakass-Russian Historical and Ethnographic Dictionary]. Abakan, Khakasiya Publ., 1999, 240 p. (in Khakass and in Russ.)
- Fasmer M.** Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka T. 2. (E–Muzh) [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Progress Publ., 1986, vol. 2: E–Muzh, 672 p. (in Russ.)
- Katanov N. F.** Narechiya uryankhaitsev (soiotov), abakanskikh tatar i karagasov: (Obraztsy narodnoi literatury tyurkskikh plemen, izdannye V. V. Radlovym) [Adverbs of Uriyanghai (Soyots), Abakan Tatars and Karagas: (Samples of folk literature of Turkic tribes, published by V. V. Radlov)]. St. Petersburg, 1907, vol. 9, 640 p. (in Russ.)
- Katanov N. F., Roganovich I. P.** K voprosu o skhodstve Vostochno-tiurkskikh skazok so slavianskimi [On the issue of similarity of East Turkic tales with Slavic]. Kazan, Typographic lithography of the Imperial Uni. Publ., 1897, 16 p. (in Russ.)
- Khakas chonynyn nymakhtary [Khakass folk tales]. Abakan, Khakass Book Publ., 1956, 156 p. (in Khakass)
- Khakasskie narodnye skazki [Khakass folk tales]. Novosibirsk, Omega print Publ., 2014, 769 p. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East, vol. 33) (in Khakass and in Russ.)
- Khakassko-russkii slovar' [Khakass-Russian Dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p. (in Khakass and in Russ.)
- Khan-Tonis na temno-sivom kone. Bogatyrsкое skazanie M. R. Bainova [Khan-Tonis on a dark gray horse. The heroic legend of M. R. Bainov]. Novosibirsk, Novosibirsk. Book Publ. House, 2007, 384 p. (in Khakass and in Russ.)
- Khara Khuskhun. Alyptyg nymakh [Khara Khuskhun. The heroic legend]. Abakan, Khakass branch of the Krasnoyarsk Book Publ. House, 1977, 196 p. (in Khakass)
- Kilchichakov M. E.** Pili ala khara chabagalyg Pil Taraannaar [Bogatyran Taran riding a foal with a dark-motley back]. Khakasskii fol'klor [Khakass folklore]. Abakan, Khakass Book Publ. House, 1946, p. 73–102. (in Khakass)
- Kurbizhekova A. V.** Siben Aryg (geroicheskoe skazanie) [Siben Aryg. A Heroic Legend]. Abakan, Khakass Book Publ. House, 2011, 324 p. (in Khakass)
- Kuznetsova A. A.** Shest' skazok minusinskikh tatar [Six tales of Minusinsk Tatars]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [News of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society], 1892, vol. 23, no. 4–5, p. 36–45. (in Russ.)
- Maitakova A.** Aidas anchy. Kip-chookhtar paza nymakhtar [Aidas the hunter. Legends and fairy tales]. Abakan, Khakass Book Publ. House, 2001, 32 p. (in Khakass)
- Mify i legendy khakasov [Myths and legends of Khakass]. Abakan, Khakass Book Publ. House, 2006, 210 p. (in Russ.)
- Narodnye russkie skazki A. N. Afanasieva [Folk Russian Tales by A. N. Afanasyev]. Moscow, Nauka, 1984, 512 p. (Literary Monuments, vol. 1) (in Russ.)

- Nekliudov S. Yu.** Oborotnichestvo [Shape-shifting]. In: Mify narodov mira [Myths of the World]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1988, vol. 2, p. 234–235. (in Russ.)
- Neskazochnaya proza khakasov [Ineffable prose of the Khakases]. Novosibirsk, Nauka, 2016, 540 p. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East, vol. 34) (in Khakass and in Russ.)
- Painan chylan (Bogach i zmeya) [The rich man and the snake]. In: Khakas chonyn nymakhtary [Khakass folk tales]. Abakan, Khakass Book Publ. House, 1956, p. 113–115. (in Khakass)
- Popov N. A.** Pover'ya i nekotorye obychai kachinskikh tatar [Beliefs and some customs of Kachin Tatars]. *Izvestiya Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva* [News of the Imperial Russian Geographical Society]. St. Petersburg, A. S. Suvorin's Typography Publ., 1884, vol. 20, no. 6, p. 645–659. (in Russ.)
- Radlov V. V.** Iz Sibiri [From Siberia]. Moscow, Eastern literature Publ., 1989, 750 p. (in Russ.)
- Russkie narodnye skazki [Russian folk tales]. Murmansk, Murmansk Book Publ. House, 1981, 208 p. (in Russ.)
- Tas chyurek (Kamennoe serdtse. Khakasskie narodnye skazki) [Heart of stone. Khakass folk tales]. Abakan, Khakass branch of the Krasnoyarsk Book Publ. House, 1969, 44 p. (in Khakass)
- Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka Vladimira Dalya [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by Vladimir Dahl]. St. Petersburg; Moscow, M. O. Vol'f Publ., 1881, vol. 2: I–O, 807 p. (in Russ.)
- Ungvitskaya M. A., Mainogasheva V. E.** Khakasskoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo [Khakass folk poetry]. Abakan, Khakass branch of the Krasnoyarsk book Publ., 1972, 312 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
01.04.2020

Сведения об авторе

Бурнаков Венарий Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
venariy@ngs.ru

Information about the Author

Venariy A. Burnakov, PhD in History, Senior Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
venariy@ngs.ru